

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРИРОДА
“ВОПРОШАНИЙ” КОНСТАНТИНА V
(по данным “*Apologeticus atque Antirrheticus*”
Никифора Константинопольского)

В статье рассматривается утраченное иконоборческое сочинение Константина V, как оно дошло в составе “*Apologeticus atque Antirrheticus*” Никифора Константинопольского. Изучение этого трактата демонстрирует, что 1) наиболее вероятным названием сочинений Константина является не Πεύσεις, а Προβλήματα (“Вопрошания”); 2) их необходимо отличать от других работ, приписанных Константину; 3) “Вопрошания” сочетают жанровые черты богословского трактата и политической апологии; 4) Никифор не располагал полным текстом “Вопрошаний”; 5) 3-е “Вопрошание” менее логично и более агрессивно по сравнению с 1-м и 2-м.

Ключевые слова: иконоборчество, иконопочитание, Константин V Копромим, Никифор Константинопольский, полемический трактат, филологическая реконструкция.

The paper deals with a lost iconoclastic work by Constantine V, as preserved in *Apologeticus atque Antirrheticus* by Nicephorus of Constantinople. The examination of this treatise shows that a) the most plausible title for Constantine’s works is not Πεύσεις but Προβλήματα; b) these texts are to be distinguished from other works ascribed to Constantine; c) *Problemata* combine genre features of a theological treatise and a political apology; d) Nicephorus did not possess the complete text of *Problemata*; e) the 3rd *Problema* is less coherent and more aggressive in comparison with the 1st and the 2nd.

Keywords: iconoclasm, icon veneration, Constantine V Copromymus, Nicephorus of Constantinople, polemical treatise, philological reconstruction.

Корпус источников по истории византийского иконоборчества характеризуется неравным количественным соотношением памятников, отражающих позиции противоборствующих сторон. Если точка зрения иконопочитателей представлена множеством самостоятельных историографических, соборных, агиографических и богословско-полемических сочинений, то позиция иконоборцев реконструируется на основании незначительных по объему фрагментов, которые приверженцы иконопочитания сочли необходимым использовать в своих произведениях с целью опровержения. Так, постановление иконоборческого Иерийского собора 754 г. включено в “Деяния” II Никейского собора¹, постановление Константинопольского собора 815 г. – в

¹ Die ikonoklastische Synode von Hieria 754. Einleitung, Text, Übersetzung und Kommentar ihres Horos / Hrsg. T. Krannich, Chr. Schubert, Cl. Sode. Tübingen, 2002 (Studien und Texte zu Antike und Christentum, 15).

“Обличение и опровержение” патриарха Никифора², иконоборческие ямбы на воротах Халки – в “Обличение и опровержение нечестивых стихотворений” Феодора Студита³, фрагменты философского трактата Иоанна VII Грамматика – в анонимное опровержение, дошедшее в рукописи Escor. Y-II-7⁴.

Весьма маловероятно, чтобы дальнейший поиск источников существенно расширил приведенный перечень. В то же время до определенной степени компенсировать диспропорцию мог бы филологический анализ уже введенных в научный оборот памятников, чья литературная природа (жанровые, композиционные, стилистические особенности), в отличие от богословского содержания, к сожалению, обычно не привлекает должного внимания исследователей.

В нашей статье мы предпримем попытку подвергнуть анализу один из важнейших иконоборческих источников – богословско-полемические сочинения императора Константина V Копронима (741–775), дошедшие в составе трактата “*Apologeticus atque Antirrhethici*” патриарха Никифора Константинопольского (806–815)⁵.

ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Первая реконструкция утраченных сочинений Константина V была предложена Б.М. Мелиоранским, опубликовавшим в приложении к работе “Георгий Киприянин и Иоанн Иерусалимлянин, два малоизвестных борца за православие в VIII веке” русский перевод 23 фрагментов из “*Apologeticus atque Antirrhethici*”, восходящих, по его мнению, к некоему утраченному источнику (“Инструкции” – “Прѹбѹрацѹ”), который в действительности “едва ли принадлежит Константину”⁶.

Наибольшее распространение получила реконструкция Г.А. Острогорского, который собрал фрагменты из первых двух “Антирретиков” Никифора,

² Nicephori Patriarchae Constantinopolitani Refutatio et eversio definitionis synodalis anni 815 / Ed. J.M. Featherstone. Turnhout, 1997 (CCSG, 33). P. 337–347.

³ PG. T. 99. Col. 437C; см. также: Баранов В.А. Богословская интерпретация иконоборческой надписи в Халки // История и теория культуры в вузовском образовании. 2004. № 2. С. 181–186.

⁴ Издание подготовлено А.А. Евдокимовой. Публикацию фрагментов см. в: *Gouillard J. Fragments inédits d'un antirrhétique de Jean le Grammarien* // REB. 1966. Vol. 24. P. 171–181.

⁵ Части трактата (так называемый “Большой Апологетик” и три “Антирретика”) опубликованы в качестве отдельных произведений в 1849 г. кардиналом А. Маи и перепечатаны в “Греческой патрологии” Ж.-П. Миня: *Antirrhethici tres adversus Constantinum Copronymum* // PG. T. 100. Col. 205A–533A; *Apologeticus pro sacris imaginibus* // Ibid. Col. 533B–832A (далее: AA). О трактате см.: *Alexander P.J. The Patriarch Nicephorus of Constantinople. Ecclesiastical Policy and Image Worship in the Byzantine Empire*. Oxford, 1958. P. 167–173; *Brubaker L., Haldon J. Byzantium in the Iconoclast Era (ca. 680–850): The Sources. An annotated Survey*. Aldershot, 2001 (ВВОМ, 7). P. 256–257; *Луховицкий Л.В. История первого периода иконоборчества и актуальная политика в “Apologeticus atque Antirrhethici” патриарха Никифора Константинопольского* // ВВ. 2009. Т. 68. С. 59–74.

⁶ *Мелиоранский Б.М. Георгий Киприянин и Иоанн Иерусалимлянин, два малоизвестных борца за православие в VIII веке*. СПб., 1901 (Записки историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета, 59). С. 118–121.

с учетом, помимо издания А. Май, также и чтений рукописи Coisl. gr. 93⁷ и, основываясь на наблюдениях над жанровой природой полученного текста, предложил для него название, закрепившееся потом в научной литературе, – “Πεύσεις” (“Вопрошания”). Также исследователь предпринял попытки богословской интерпретации полученных фрагментов и пришел к выводу о сильном монофизитском влиянии на учение иконоборцев⁸.

В 1969 г. Г. Хеннепхоф в антологии текстов эпохи иконоборчества представил новую реконструкцию, учитывавшую на сей раз все три “Антирретика”. По сравнению с Г.А. Острогорским Г. Хеннепхоф добавил также ряд фрагментов, которые, по его мнению, хотя и не содержали прямых цитат из Константина, все же могли быть полезны при реконструкции⁹. Однако она не получила единодушного признания специалистов. Наиболее аргументированной была критика С. Геро, полагавшего, что третий “Антирретик” не имеет отношения к опровержению богословских построений Константина V, но должен быть соотнесен с учением второго периода иконоборчества (815–843)¹⁰.

Новейшая реконструкция была предложена И. Рохов¹¹. В основном она следовала Г. Хеннепхофу, однако ряд фрагментов был опущен.

Если по вопросу самого состава фрагментов в научной среде уже сложился определенный консенсус, то их интерпретация не так однозначна¹². Традиционно исследователи, следуя Г.А. Острогорскому, соотносили создание “Вопрошаний” с подготовкой Иерийского собора в 754 г.¹³, однако эта точка зрения была поставлена под сомнение П. Шпеком, предположившим, что их следует датировать более ранним периодом. Согласно его предположению, “Вопрошания” (ок. 751 г.) стали ответом на пропагандистскую кампанию против Константина, начатую ок. 746 г., когда после эпидемии чумы Константин приступил к реализации жесткой иконоборческой политики, и объединившую обвинения, выдвинутые против него как в юности, так и в период его противостояния с Артавасдом¹⁴.

⁷ *Ostrogorsky G.* Studien zur Geschichte des byzantinischen Bilderstreites. Breslau, 1929. S. 8–11.

⁸ *Ibid.* S. 24–29. Критику этой гипотезы см. в: *Brock S.* Iconoclasm and the Monophysites // Iconoclasm. Papers given at the Ninth Spring Symposium of Byzantine Studies University of Birmingham (March 1975) / Ed. A. Bryer, J. Herrin. Birmingham, 1977. P. 53–57.

⁹ *Textus byzantini ad iconomachiam pertinentes* / Ed. H. Hennephof. Leiden, 1969 (Byzantina Neerlandica, A/1). P. 52–57. Frg. 141–187.

¹⁰ *Gero S.* Byzantine Iconoclasm during the Reign of Constantine V. With Particular Attention to the Oriental Sources. Louvain, 1977 (CSCO, 384). P. 37. N. 1; *Idem.* The Eucharistic Doctrine of the Byzantine Iconoclasts and its Sources // BZ. 1975. Bd. 68. S. 5. Anm. 4.

¹¹ *Rochow I.* Kaiser Konstantin V. (741–775). Materialien zu seinem Leben und Nachleben. Mit einem prosopographischen Anhang von K. Ludwig, I. Rochow und R.-J. Lilie. F. am Mein; Berlin u.a., 1994 (BBS, 1). S. 177–188.

¹² Впрочем, ряд фрагментов, выделенных Г. Хеннепхофом, в действительности представляет собой даже не пересказ источника, а рассуждения Никифора (Frg. 175, 185). С другой стороны, список фрагментов может быть незначительно расширен за счет выделения новых цитат, например, AA. 376AB: inc. *λόθεν... des. ...παρείληπται*.

¹³ С. Геро полагает, что они обращены к группе участников Собора, все еще сомневающихся в иконоборческом учении: *Gero S.* Byzantine Iconoclasm... P. 38.

¹⁴ *Speck P.* Artabasdos, der rechtlgäubige Vorkämpfer der göttlichen Lehren. Bonn, 1981 (Ποικίλα Βυζαντινά, 2). S. 245–266.

На наш взгляд, на данном этапе однозначно интерпретировать полученные фрагменты невозможно, поскольку ни одна из существующих реконструкций не может быть признана удовлетворительной. Во-первых, все предложенные реконструкции были осуществлены только на базе трех “Антирретиков”, т.е. не учитывали “Большой Апологетик”, представляющий собой первую и большую часть трактата Никифора, что препятствовало адекватному пониманию логики развития аргументации. Во-вторых, ни один из ученых, обратившихся к реконструкции, не ставил перед собой задачи оценить полученный текст с филологической точки зрения, что требовало бы учета многочисленных комментариев Никифора (особенно в первом “Антирретике”) относительно литературной природы и художественных качеств сочинений Константина.

НАЗВАНИЕ, ЖАНР И ДАТИРОВКА “ВОПРОШАНИЙ”

Очевидно, что, опровергая иконоборческие построения Константина, Никифор каким-то образом обозначал их, однако проблема установления оригинального названия работ Константина так и не решена. Вероятнее всего, что полемическая направленность трактата диктовала автору определенные условия: чаще всего он использовал уничижительные наименования, которые не могли бы быть употреблены самим Константином. Уже заглавие “Антирретиков” предлагает один из подобных невероятных вариантов: сочинения оппонента названы “пустопорожним вздором (κενολογηθέντα ληρήματα) против спасительного Воплощения Бога-Слова”.

Ничто даже отдаленно напоминающее это не могло стоять в заглавии работы Константина, о чем свидетельствует хотя бы то, что Никифор вскоре замечает, что его оппонент все же “притворяется”, что почитает Воплощение, а на деле (ἔργῳ δὲ) отвергает его (АА. 209В). В других случаях в качестве определений работ Константина использованы выражения “пустопорожние речи” (κενολογηθεῖσας φωνάς – АА. 212D) и “лживые рассказы” (ψευδομυθήμασιν – АА. 208D).

Авторы реконструкций работ Константина V предложили условное название Πεύσεις, т.е. “Вопрошания”¹⁵. Такой вариант основывается на замечании Никифора, помещенном им в самое начало второго “Антирретика”, где говорится, что Константин “завершив, как ему кажется, свой первый вопрос, а вернее даже приказание (πεύσεως μᾶλλον δὲ προσταξέως), в котором он делал своевольные заявления, переходит к другому вопросу” (АА. 329А)¹⁶.

В то же время выбор именно этого слова для названия не очевиден: Константин сам никогда не говорит о структуре своей работы. Лишь однажды, опять же в начале второго “Антирретика”, упоминается, что он “предпринял и вторую главу, чтобы задать вопрос” (АА. 329А). При этом используется нейтральное слово κεφάλαιον, а на месте ожидаемого τυνθάνομαι (от которого образовано слово πεύσις) стоит ἐρωτήσαι. Обратим внимание и на то, что в подзаголовке второго “Антирретика” (“Начало второго вопроса

¹⁵ Ostrogorsky G. Studien... S. 15–16.

¹⁶ Ср.: АА. 296С, где также употреблено слово πεύσις, когда говорится о том, что Константин уже не притворяется больше, будто задает вопрос, но открыто излагает свое мнение.

Мамоны”) стоит существительное, образованное именно от последнего глагола, – “Ἀρχὴ τῆς δευτέρας ἐρωτήσεως τοῦ Μαρωνά”.

Никифор использует и другие слова для указания на работы Константина, например, существительное “изыскание” (ζήτησις – АА. 312D). Однако наиболее часто мы встречаем образования от глагола προβάλλω (“выставлять”, “выдвигать вперед” и, следовательно, “предлагать в качестве вопроса”). Это может быть как перфектное причастие (προβεβλημένας φωνάς – АА. 213D), так и существительное (πρόβλημα – АА. 213CD, 213D, 215A, 241A, 240C, 257C, 265C, 289AB, 312B, 312C). Именно это последнее слово и кажется нам предпочтительным. Обратим внимание, что использование подобного термина для обозначения жанра опровержения, построенного на вопросах и сведениях положений противника ad absurdum, не является уникальным даже в рамках иконоборческих споров: именно так называет одно из своих кратких богословско-полемических сочинений Феодор Студит: “Некоторые вопросы к иконоборцам” (“Προβλήματά τινα πρὸς εἰκονομάχους”)¹⁷.

Тем не менее в качестве русского варианта названия мы предлагаем слово “Вопрошания”, которое может соответствовать в большей или меньшей степени всем приведенным выше греческим вариантам.

Кроме того, оно достаточно точно передает манеру Константина, к которой высказывает претензии Никифор: он говорит о том, что Константин поступает нечестно, “ведя рассуждение в форме вопроса (ἐν σχήματι ἐρωτήσεως), но на деле лишь притворяясь, что ищет ответа на свои недоумения (ὑποπλάττεται τὰς λύσεις τῶν ἠτορημένων ζητεῖν), и с большим своеволием, самодовольством и себялюбием выставляет уже заранее составленные удобные ему положения”.

Встретившееся в последнем примере из Никифора “своеволие” – частый пункт обвинения по отношению к Константину у Никифора. Причем применительно к “Вопрошаниям” это слово (ἐξουσία) обозначает не проявление императорской власти, а насилие над фактами, необоснованное утверждение, противопоставленное правильным умозаключениям, которые всегда опираются на Писание, святоотеческое предание или же на логику: κατὰ τὴν λογικὴν μέθοδον κατὰ γραφικὴν καὶ πατρικὴν ἀλόδειξιν противопоставлено ἄσπερ αὐτῷ ἡ ἐξουσία ἐλέτρετε (АА. 296C). Обвинение в тирании, выдвинутое в трактате против правящего императора Льва V, позволило Никифору применить то же самое слово (τυραννικῶς) по отношению к Константину, однако в данном случае речь опять же идет о насилии не в политической или идеологической сфере, а о насилии над логикой: “Откуда у вас, о такие, это своеволие (ἡ ἐξουσία αὕτη): не замечать все остальные свойства тела и тиранически (τυραννικῶς) лишать его одной только описуемости?” (АА. 244BC; ср.: АА. 301C, 348A).

Все предлагавшиеся реконструкции сочинений Константина ставили своей задачей не исследование их как текста, а получение сведений исторического характера. Игнорирование жанровой специфики вело к тому, что без каких-либо на то оснований сочинения, легшие в основу трактата, отождествлялись с сочинениями, приписываемыми Константину V, о которых мы знаем из других источников.

¹⁷ PG. T. 99. Col. 477–485.

Рассмотрим эти источники подробнее. Наиболее интересное сообщение о литературной деятельности Константина содержит “Житие Никиты Мидийского” Феостирикта, в котором после перечисления еретических взглядов Константина (например, ему приписано знаменитое сравнение Богоматери с пустым кошельком, который не обладает ценностью после того, как из него вытряхнули монеты) говорится о том, что автор “и сам читал тринадцать словец (λογύδρια), лишенных всякого смысла, которые он обнаружил в течение двух недель”¹⁸.

Очевидно, что тексты, упоминаемые Феостириктом, не могут быть отождествлены с источником Никифора: удивляет их количество, предлагается невероятно короткий срок составления, за который невозможно создать сколько-либо серьезные богословские сочинения¹⁹. Тем не менее подобные утверждения с завидным постоянством появляются в научной литературе²⁰.

По всей видимости, следует разграничить два типа сочинений, принадлежавших Константину. С одной стороны, это краткие провокационные работы, возможно, предназначенные для устного воспроизведения (само слово, выбранное Феостириктом, отсылает скорее к речи, а не к богословскому трактату), которые были составлены за короткий срок и представлены публике²¹. Вспомним тягу Константина к массовым зрелищным мероприятиям: всенародные клятвы и предшествовавшие Иерийскому собору ежедневные пропагандистские “силенции”²². Конкретное содержание этих речей неизвестно, однако сомнительно, чтобы в них присутствовала какая-либо богословская аргументация в защиту иконоборчества.

С другой стороны, очевидно, что источник “*Apologeticus atque Antirrhetici*” воспринимался его создателем как серьезное богословское рассуждение. Уже то, что, по его словам, его противники, создающие иконы, “не достигли глубин учения о неслитном соединении во Христе двух природ” (AA. 329A), свидетельствует о том, что сам Константин был уверен в глубине своих богословских изысканий. А аудитория Константина – отнюдь не константинопольские тагмы или простые горожане, а епископы, к которым он в заключении второго “Вопрошания” обращается с подчеркнутым уважением: “Если мы убедили вас, что верно рассуждаем, на примере одной этой иконы (т.е. иконы Христа. – Л.Л.), тогда мы представим вам соображения и относительно других икон, чтобы вы рассудили и о них. Мы будем рады вашему суж-

¹⁸ Vita s. Nicetae confessoris // AASS. Aprilis. T. I. P. XXVIII. Русский перевод цитируется по: Житие преп. Константина из Иудеев. Житие св. Исповедника Никиты / Пер. Д.Е. Афиногенова. М., 2001. С. 122. “Прεσβείαν μὴ ἔχοντα” следует понимать именно как “лишенные смысла”, те, которым не следует доверять. Таким образом, трактовка, связывающая это высказывание Феостирикта со слухами о том, что Константин отвергал заступничество (πρεσβεία) Богоматери, невозможна (Martin E.J. A History of the Iconoclastic Controversy. L., 1930. P. 61).

¹⁹ Gero S. Byzantine Iconoclasm... P. 38–39.

²⁰ Ostrogorsky G. Studien... S. 13–14; Koutrakou N.-K. La propagande impériale Byzantine: persuasion et réaction (VIIIe–Xe siècles). Athènes, 1994. P. 104.

²¹ Ср. замечание Никифора о том, что богохульство Константина сохранено не только в речах (οὐ λόγοις μόνον), но и в письменных работах (καὶ ἀνάγραφαις – AA. 220A). Заметим, что этот же термин (λογύδριον) использован и анонимным автором для обозначения работ Иоанна Грамматика (Escor. Y–II–7. Fol. 200v).

²² Theophanis Chronographia / Rec. C. de Boor. Vol. 1. Lipsiae, 1883. P. 437.11–12; 427.20–21.

дению, если вы придете к согласию с другими епископами и на разумных основаниях представите свидетельства” (АА. 340D).

Логично было бы предположить, что именно с сочинениями первого типа следует соотнести упоминаемые Никифором “иные” работы Константина, о которых сам Никифор не имел достаточных сведений и знал только, что по сравнению с его источником они были гораздо более радикальны. Крайне расплывчатая отсылка к другим сочинениям (ἐν ἑτέροις) возникает всякий раз, когда Никифор не находит ничего противного православному учению в тексте, который взялся опровергать. Наиболее яркий пример – вопрос о почитании Девы Марии, о которой говорится, что, хотя в рассматриваемом тексте о ней не сказано ничего дурного, “в иных” работах Константин “желал показать ее всячески обесчещенной” (АА. 216D–217A). Метод, при помощи которого вводится такая отсылка, и отсутствие всякой конкретики ставят под сомнение не только действительное знакомство Никифора с этими “иными” сочинениями, но и сам факт их существования²³.

О весьма серьезном отношении Константина к своим богословским сочинениям можно судить по ремаркам Никифора, который с большой иронией называет своего оппонента то “мудрейшим” (АА. 228В, 257В, 284В), то “пустым богословом” (АА. 256D), то “великим философом” (АА. 228С), то “догматичнейшим” (АА. 269С), то “необоримым и искушенным составителем речей” (АА. 237А) или же просто “великим учителем” (АА. 253D) и “мудрецом” (АА. 308D, 336А).

Никифор постоянно подчеркивает несоответствие между тем, что думал о своих работах Константин, и тем, чем они являются на самом деле для опытного богослова. По словам Никифора, на первый взгляд необоримые доводы позволили Константину “много о себе полагать и бахвалиться” (АА. 316А), так как он думал, что один сумел достичь даже не третьего, а четвертого неба и получить представление о том, что “никто и никогда не познавал” (АА. 329В). Обращаясь к “наиразумнейшему” (συνετώτατος), который “желает рассуждать о догматике” (АА. 221А), Никифор не забывает каждый раз с иронией отмечать “умозрительную возвышенность и высоту догматов” (АА. 289А).

На самом же деле (в интерпретации Никифора, разумеется), все разумное, что есть в его сочинениях, взято от других (в начале первого “Антирретика” Никифор рассказывает эзоповскую басню о галке, разукрасившейся чужими перьями, – АА. 224С). Все же, что отражает его собственные взгляды, не ближе к истинному богословию, чем детский лепет: “И вышло, что его серьезные и искусные аргументы (τῶν σοβαρῶν καὶ δεῖνῶν προβλημάτων), от которых, как он полагал, нельзя ни уклониться, ни спрятаться, ничем не отличаются от детского лепета (παιδικῶν ψελλισμάτων). Истинно, все это не лучше ребяческих мыслей и подобающего скорее младенцу рассуждения (νηπιόδοῦς... φρενὸς καὶ βρεφοπρελοῦς διαθέσεως)” (АА. 241АВ). Измышле-

²³ Упомянутый у Scriptor Incertus “синодик Константина Исавра Каваллина”, который по распоряжению Льва V был использован Иоанном Грамматиком при подготовке восстановления иконоборчества в 815 г. (Scriptor Incertus / Introduzione di E. Pinto, testo critico, versione italiana, note e indici a cura di Fr. Iadevaia. Messina, 1997 (2 ristampa). P. 47), вероятнее всего, относится к постановлению Иерийского собора, а не к какому-либо самостоятельному сочинению Константина.

ния Константина, согласно Никифору, могут вызывать лишь смех (АА. 225В), ибо на поверку это “рассказни (μυθολογήματα), не лучше тех, что распевают в женских покоях во время долгих встреч упившиеся вином старушонки (τοῖς κωθωνίζομένοις γραῖδοις)” (АА. 229В).

Старательное опровержение Никифором именно богословской состоятельности работ Константина свидетельствует не только и не столько об их действительной теоретической слабости, сколько о том, что сам автор этих сочинений хотел казаться опытным богословом и это желание ощущалось читателем в самом тоне его работ.

Тем не менее Константин либо не сумел, либо не захотел до конца соответствовать жанровому канону, на который ориентировался. Фрагмент его сочинения, сохранившийся, к сожалению, только в пересказе Никифора, резко выбивается из остального повествования, перенося дискуссию из богословской сферы в политическую: “К концу своего сочинения, подводя итог, он замечает следующее. Во-первых, он воздерживается от осуждения тех, к кому обращался в своей речи, если они заподозрили, что он отчужден от Христа (ἡλλοτρίωται τοῦ Χριστοῦ) и поэтому беснуется против Его образа (μαίνεσθαι κατὰ τῆς εἰκόνης αὐτοῦ). На это он предлагает защитительную речь, [объясняющую], почему ему было приписано (προστέτριπται) такое. Он говорит, что эта клевета (μῶμος), провозгласившая его отчуждение от Бога, разлетелась повсюду, когда его родственники и близкие, восстав, произвели нововведения (οἱ πρὸς γένους καὶ οἰκεῖοι ἐλαναοτάντες ἐνεωτέρισαν), – а может быть, и раньше, – и поэтому многие осудили его. Затем множеством страшных клятв (ведь у него было в обычае идти против евангельских предписаний), он попытался убедить (а вернее сказать, посмеяться, совершив клятвопреступление), что ни на словах, ни на деле таковым не является и что он возлагает на присутствующих епископов решение и суждение об этом учении и примет их постановление” (АА. 340ВС).

Наиболее интересный момент в приведенной цитате – объяснение природы слухов²⁴ об отступничестве Константина, о которых он знает, и опасается, что они могут навредить ему, т.е. за его текстом епископы увидят нечто большее, чем обоснование иконоборчества. Ответственность за распространение этих слухов возлагается на “родственников и близких”. Самой очевидной трактовкой было бы отождествление этих людей с Артавасдом (входит в категорию родственников) и патриархом Анастасием, короновавшим Артавасда и его сына Никифора²⁵. При подобной трактовке, которой придерживается ряд исследователей²⁶, время возникновения слухов о еретических взглядах Константина, предполагавших нечто большее, нежели просто обвинение в иконоборчестве, переносится в 741–743 гг. С другой стороны, подобная датировка вступает в противоречие с принятым большинством исследователей мнением о том, что, вопреки сообщениям историографов, восстание Артавасда не носило иконопочитательского характера, поскольку

²⁴ О слухах как о методе пропаганды в рассматриваемый период см.: Koutrakou N.-K. La propagande impériale... P. 181–192.

²⁵ Theophanis Chronographia... P. 408.17–18; 417.24–25.

²⁶ Ostrogorsky G. Studien... S. 12; Gero S. Byzantine Iconoclasm... P. 38; Rochow I. Kaiser Konstantin V... S. 23–24; Brubaker L., Haldon J. Byzantium in the Iconoclast Era... P. 255–256.

вопрос об иконах на данном этапе еще не интересовал противоборствующие стороны²⁷.

Предположение П. Шпека, датировавшего начало кампании диффамации более ранним периодом и предположившего, что истинной причиной обвинения в отчуждении от Христа была некая врожденная болезнь Константина (возможно, эпилепсия)²⁸, не находит подтверждения в источниках²⁹.

Эти обстоятельства заставляют предложить иную датировку кампании диффамации Константина V – середина 760-х годов. Именно в этот период (через 10 лет после Иерийского собора) Константин приступает к репрессиям, описываемым хронистами и агиографами как гонения на иконопочитателей и монахов³⁰, в действительности же ставшим ответом на крупномасштабный заговор, в центре которого стояли Стефан Новый³¹ и братья Константин и Ставракий Подопагуры, казненные 21 августа 765 г.³² Также в заговоре принимал участие патриарх Константин, бывший близкий друг (οἰκεῖος) Константина³³, в уста которого Георгий Монах вкладывает обвинение в том, что император Константин не считает Христа Богом, а Марию – Богородицей³⁴. Феофан сообщает, что 30 августа 766 г. Константин был низложен и сослан по обвинению в участии в заговоре, а 15 октября 767 г. казнен³⁵.

На наш взгляд, есть все основания связывать упоминаемые Константином слухи с описанным заговором: во-первых, высокопоставленные (Константин Подопагур был патриархом и логофетом дрома) заговорщики представляли серьезную угрозу, о чем свидетельствует жестокая расправа и репрессии, продолжавшиеся еще несколько лет, во-вторых, заговорщики распространяли слухи о радикальных взглядах Константина V, желая дискредитировать его в глазах иконоборческой партии³⁶. Таким образом, Константин был вынужден не только наказать противников, но и представить в качестве ответа на эти

²⁷ Gero S. *Byzantine Iconoclasm...* P. 14–22.

²⁸ По мнению П. Шпека, в обвинении против Константина, как оно сформулировано в пересказе Никифора, можно выделить несколько слоев, самый ранний из которых относится к юности Константина и не связан с иконоборческой проблематикой. В период противостояния с Артабасдом и позже (после 746 г.) эти ранние обвинения были дополнены и использовались в пропагандистских целях: *Speck P. Artabasdos...* S. 259–266.

²⁹ *Rochow I. Kaiser Konstantin V...* S. 18.

³⁰ *Ibid.* S. 59–65. О действительных масштабах расправ над монахами см.: *Hatlie P. Monks and Monasteries of Constantinople ca. 350–850.* Cambridge, 2007. P. 358–365.

³¹ *Auzépy M.-Fr. L'Hagiographie et l'Iconoclisme Byzantin. Le cas de la Vie d'Étienne le Jeune.* Aldershot, 1999 (ВВОМ, 5). P. 58–60, 85. Впрочем см. критику этой гипотезы М.Ф. Озепи со стороны В. Дероша: *Deroche V. Note sur la Vie d'Étienne le Jeune et sa chronologie interne // REB.* 2002. Т. 60. P. 179–188.

³² *Theophanis Chronographia...* P. 437.25–438.26.

³³ *Rochow I. Konstantinos II. (754–766) // Die Patriarchen der ikonoklastischen Zeit. Germanos I. – Methodios. (715–847) / Hrsg. von R.-J. Lilie. Fr. am Mein; Berlin; Bern u.a., 1999 (BBS, 5). S. 30–31.*

³⁴ *Georgii Monachi Chronicon / Ed. C. de Boor, curavit P. Wirth. Vol. 2. Stuttgart, 1978. P. 756.*

³⁵ *Theophanis Chronographia...* P. 438.26–439.5; 442.7.

³⁶ Новейшая реконструкция этих событий и полемической программы оппозиции, предполагавшей дискредитацию Константина V, как “нечестивца”, предложена Д.Е. Афиногеновым: *Afinogenov D. The Story of the Patriarch Constantine IV of Constantinople in Theophanes and George the Monk: Transformation of a Narrative // History as Literature in Byzantium: Papers from the 40th Spring Symposium of Byzantine Studies / Ed. R. Macrides. University of Birmingham, 2010. P. 207–214.*

слухи своеобразную апологию, которой и стали “Вопрошания”. Собравшиеся епископы, которым они были представлены, должны были подтвердить свою верность императору, а он, в свою очередь, уверить их в том, что не собирается отступать от официальной иконоборческой доктрины, провозглашенной Иерийским собором.

На данном этапе каждая из предложенных датировок нуждается в проверке, а вопрос об инициаторах пропагандистской кампании против Константина остается открытым и требует дальнейшего изучения. Соответственно не может быть с абсолютной точностью определено и время создания “Вопрошаний”. В любом случае, теория, связывающая “Вопрошания” исключительно с подготовкой к Иерийскому собору, не может быть признана убедительной. В свою очередь, их жанровая специфика определяется однозначно: это не было богословское сочинение в чистом виде, поскольку определяющую роль в нем играли именно политические аспекты.

СТИЛЬ, РИТОРИКА И СТРУКТУРА “ВОПРОШАНИЙ”

Язык и риторическая манера “Вопрошаний” почти не интересовали авторов предыдущих реконструкций. Некоторые соображения на этот счет были высказаны С. Геро, отметившим, что языку Константина не хватает точности и выверенности формулировок опытного богослова; что его работа изобилует повторами, однако в ней чувствуется желание писать высоким, афористичным стилем, ведущее к появлению лаконизмов, которые подчас не могут быть адекватно поняты³⁷.

На наш взгляд, основным источником в данном случае должны стать филологические комментарии Никифора. При этом нас будут интересовать те места, в которых Никифор высказывает претензии к “Вопрошаниям” именно как к теоретическому рассуждению, осуждая не их еретическое содержание, а способ его выражения, т.е. ошибки методологического характера. Такое отношение Никифора, заявленное в самом начале первого “Антирретика”³⁸, представляет собой достаточно редкое явление в антииконоборческой полемике и позволяет судить не только о тексте источника, но и об установках самого Никифора – какие приемы он считал в рассуждении неприемлемыми, каких слов рекомендовал избегать, когда советовал употреблять метафоры и т.п.³⁹

При этом Никифор предъявляет достаточно высокие требования к сочинению, что еще раз косвенным образом указывает на то, что оно позиционировалось автором как богословское и ученое. Наряду с очевидными об-

³⁷ Gero S. Byzantine Iconoclasm... P. 38–44. Ср. остроумное замечание П. Брауна о стиле Константина как о стиле “Иван Грозный à la Эйнштейн”: Brown P. A Dark Age Crisis: Aspects of the Iconoclastic Controversy // English Historical Review. 1973. Vol. 88. P. 4.

³⁸ Никифор указывает, что его будет интересовать, “каким образом” (ὡς τρόπῳ) обращается Константин к своей аудитории (AA. 216B).

³⁹ Детальный анализ методов филологической критики Никифора на примере цитат из трудов Григория Богослова см. в: Demoen K. Expliquer Homère par Homère: Nicéphore de Constantinople philologue et rhéteur // Studia Nazianzenica. Vol. 1 / Ed. B. Coulie. Turnhout; Leuven, 2000. P. 147–173 (CCSG, 41; Corpus Nazianzenum, 8).

винениями в тавтологии⁴⁰ и непоследовательности⁴¹, Никифор высказывает и менее очевидные претензии. Так, он указывает на то, что в богословском рассуждении нельзя пользоваться общими понятиями и определениями, как это свойственно Константину, поскольку это открывает простор для манипуляций: “Он пользуется общим определением (τῷ καθολικῷ προσδιορισμῷ), чтобы все подумали, что он ведет речь вообще о всякой иконе (περὶ πάσης εἰκόνας), и никто не мог его заподозрить...” (АА. 225А). Рассуждая о важных богословских вопросах, требующих большой точности, необходимо, по мнению Никифора, употреблять слова в их основном, терминологическом значении (ταῖς κυρίαις τῶν λέξεων σημασίαις), а не использовать синекдоху или иной троп (κατὰ συνεκδοχὴν, ἢ καθ’ ἕτερον τρόπον – АА. 236АВ). Сравним сходный фрагмент в “Обличении и опровержении”: “Разумные могут заметить здесь скрытое коварство и примитивность и несуразность способа выражения мысли (τοῦ τρόπου τὸ ἀγεννὲς καὶ ἀλλόκοτον): взявшись строить свою речь против икон, они рассуждают вообще и неопределенно (ἀλλῶς καὶ ἀδιορίστως), а каких [первообразов] эти иконы и чьи они, и кого изображают и чью память сохраняют, этого они вовсе не добавляют, оставляя это слово как бы висеть в воздухе (ἐν μετεώρῳ) [...] Им следовало бы – поскольку слово “икона” есть понятие относительное, которое никогда не помыслится отдельно, особенно когда употреблено в собственном смысле (потому что всегда с ним будет мыслится и то, к чему оно относится), – четко сказать, чья это икона и подобие, чтобы стало ясно, что они имеют в виду”⁴².

Отметим, что сам Никифор всякий раз после такого неточного, нетерминологического употребления, допущенного им самим, считает необходимым поправиться и пояснить, почему это было сказано именно так: “Мы и сами выше пользовались этими словами как придется (ὡς ἔτυχε), чтобы не нарушить последовательности речи, иногда в прямом смысле, сохранив присущее значение слова (κυρίως καὶ τὸ ἴδιον τῆς λέξεως τηρήσαντες σημαίνόμενον), а иногда вели рассуждение, не обращая внимания на их различие (πρὸς τὸ ἀδιάφορον ἰδόντες); но мы обещали представить знание о них и провести различие между ними, показав, чем они отличаются друг от друга” (АА. 353D–356A).

Отсюда вытекает и общая претензия к стилистике Константина: он не владеет необходимым философским инструментарием, например, не понимает, чем отличаются “подобие” (ὁμοίος) и “тождество” (ταὐτόν), что, в свою очередь, ведет к смешению двух понятий: “иное и иное” (ἄλλο καὶ ἄλλο), предполагающего природное различие, и “иной и иной” (ἄλλος καὶ ἄλλος), употребляющегося по отношению к ипостасям (АА. 281АВ)⁴³. Он не знает, что есть причина, а что следствие (αἰτίου καὶ αἰτιατοῦ – АА. 229В), а эти по-

⁴⁰ Константин “говорит одно и то же и снова повторяет одно и то же об одном и том же” (ταυτοεπιούντι... καὶ τὰ αὐτὰ περὶ τῶν αὐτῶν διεξιόντι – АА. 313А). Ср.: АА. 329А, 340В.

⁴¹ “И в этом можно только поражаться неосновательности и шаткости его ума (τὸ ἀλαγὲς τοῦ νοῦς καὶ ἀστάθερον): то, о чем он только что утверждал как об истинном теле Христа в собственном смысле, ныне он называет образом Его тела” (АА. 336А).

⁴² Nicephori... Refutatio et eversio... P. 13.

⁴³ Ср. классические определения, данные Иоанном Дамаскиным: Die Schriften des Johannes von Damaskos. Dialectica / Besorgt von B. Kotter. В.; N.Y., 1969 (Patristische Texte und Studien, 7). S. 88.

нения чрезвычайно важны при рассуждении об иконе (АА. 277С). С другой стороны, Константин объясняет вещи, не подвергающиеся сомнению, самоочевидные и не нуждающиеся в каких-либо доказательствах (АА. 337D–340А). Он употребляет слова, невозможные в теоретическом рассуждении, такие, как “если бы мы пожелали” (ἂν θελήσωμεν), и это ведет к тому, что автор сочинения поступает по произволу, “постановляет и утверждает по своему желанию” (АА. 336АВ).

Вывод, который делает Никифор на основании своих размышлений над манерой Константина, заключается в том, что тот не обладает ни “следами благочестия” (ἔναυσμα εὐσεβείας), ни “хотя бы крупицей логики” (λογικῆς ἐπιότημης καὶν βραχὺ γούν τι – АА. 229В), что для Никифора в равной мере предосудительно.

Весомым аргументом в пользу невозможности какой-либо реконструкции сочинений Константина на основе “Apologeticus atque Antirrheticus” могло бы стать доказательство того, что Никифор располагал не полным текстом опровергаемой работы, а только выдержками из нее. Подобная гипотеза была высказана С. Геро после внимательного изучения первого “Антирретика” и цитат из Константина, с которых начинается опровержение⁴⁴. Суть аргумента заключается в том, что в тексте Константина, как он сохранился у Никифора, наблюдается явный пропуск, который не может быть объяснен только нежеланием Никифора включать в опровержение пропущенный фрагмент. То, как Никифор комментирует сбой в логике рассуждения, свидетельствует о том, что он сам был немало удивлен тем, что встретил в опровергаемом тексте, и не смог прийти к какому-либо однозначному решению, объяснив читателю этот сбой неспособностью Константина дальше сдерживать свое нечестие (АА. 224В).

Рассмотрим подробнее, как ведет себя Никифор в данном случае и как он оформляет другие пропуски из сочинений Константина, когда не желает цитировать все полностью. Разумеется, довольно часто Никифор не приводит рассуждения своего оппонента полностью, особенно в тех случаях, когда тот повторяется. В такие моменты Никифор всегда считает нужным указать на лакуну: так, в самом начале первого “Антирретика” он предуведомляет читателя, что опустит “многословный вздор и напористую болтовню” (τὸν πολλὸν ὕθλον καὶ τὴν ἐυκεκμένην φλυαρίαν), чтобы “прямо” (ὁμόσε) обратиться “к тому, что кажется самым важным” (ἐλ’ αὐτὰ τὰ δοκοῦντα καίρια – АА. 216А), из чего можно заключить, что предисловие к “Вопрошаниям” приведено не полностью. Сходным образом объясняются и другие переходы – в главе 19 первого “Антирретика” фраза повторяется почти дословно: “А мы, опуская некоторые слова из-за их постыдности и докучливости, обратим свою речь к тому, что кажется им самым главным (ἐλὶ τὰ δοκοῦντα αὐτοῖς σπουδαίωτερα)” (АА. 232А). В начале второго “Антирретика” также заранее говорится, что полный текст опровергаемой работы приведен не будет: Никифор предупреждает, что его оппонент сказал очень много, и поэтому он считает нужным “публично представить” (εἰς μέσουσ ἀγαγεῖν) только некоторые из этих положений (ὧν τινα – АА. 329А).

⁴⁴ Gero S. Byzantine Iconoclasm... P. 40. N 19.

Параграф, интересующий нас в данном случае, оформлен иначе. Фрагмент, посвященный подтверждению официальной христологической доктрины шести Вселенских соборов, с которого начал свои “Вопрошания” Константин (АА. 216BC)⁴⁵, резко обрывается, и после слов “сушего в одном лице” (ἐν ἐνὶ προσώπῳ ὄντα) без всякого перехода говорится об иконе, которая понимается как производная от первообраза (κἀν λάσα εἰκὼν παράγωγος πρωτοτύπου τινὸς γνωρίζεται). Никифор, приведя эту цитату полностью, приступает к анализу вступления, последовательно доказывая, что Константин только притворяется почитающим решения Вселенских соборов. Дойдя до сбоя в логике, Никифор несколько раз демонстрирует читателю свое удивление и непонимание, откуда в тексте неожиданно появились слова об иконах. Он говорит, что переход сделан “вопреки всякому порядку и связи” (ἀτάκτως πῶς καὶ ἀσυναρτήτως – АА. 224А), “вопреки порядку, стройности и последовательности изложения” (παρὰ τὴν τάξιν, καὶ παρὰ τὴν ἁρμονίαν, καὶ παρὰ τὴν ἀκολούθησιν τῆς τοῦ λόγου ἐκθέσεως), “прежде чем вообще зашла речь об иконах” (πρὶν ἢ κατάρξαι τοῦ περὶ εἰκόνων λόγου – АА. 224D).

Недоумение Никифора, таким образом, кажется вполне искренним, что позволяет поставить вопрос о целостности текста, которым располагал Никифор. Возможно, следует говорить о том, что в руках Никифора был не первый список текста. В любом случае это вызывает дополнительные трудности, поскольку на данном этапе нельзя с уверенностью сказать, кому и в каких условиях понадобилось бы делать выписки из Константина V или переписывать его работы. Кроме того, можно лишь строить догадки об общем количестве копий “Вопрошаний” и о том, насколько они были доступны в первой четверти IX в., когда создавал свои трактаты Никифор.

Какова структура “Вопрошаний”? Почему посвященное им опровержение разделено на три части? Если в первых двух “Антирретиках” сохранились элементы рамочного текста “Вопрошаний” (вступление, переходы, заключение), благодаря которым можно точно провести границу между первым и вторым сочинением Константина, то третий “Антирретик”, хотя и содержит ряд цитат, не позволяет сделать никаких определенных выводов о композиции источника. Этот факт приводил в замешательство многих исследователей, которые или вообще отказывались видеть в третьем “Антирретике” полемику с Константином⁴⁶, или намекали на незавершенность сочинения, которое Никифор не успел дописать до смерти Льва V, а потом, в новой политической обстановке, не считал нужным продолжить⁴⁷.

На наш взгляд, может быть предложено следующее решение: источник третьего “Антирретика” принадлежал перу Константина V, однако по времени создания отстоял на достаточный срок от сочинений, ставших основой для первого и второго “Антирретиков”, и имел несколько другие задачи. Об особой природе третьего сочинения Константина мы можем судить по ряду его фрагментов, которые объединены общим принципом построения: они выглядят как возражения Константина на уже представленные аргументы

⁴⁵ Никифор говорит о том, что с точки зрения структуры работы Константина, это “вступление” (προοίμια – АА. 216С).

⁴⁶ См. выше с. 126.

⁴⁷ Alexander P.J. The Patriarch Nicephorus... P. 173.

и святоотеческие цитаты, предложенные если не убежденными иконопочитателями, то по крайней мере все еще не определившимися епископами⁴⁸. Таким образом, оказывается, что один из этапов дискуссии представлял собой возражения епископов, к которым Константин обращается в конце второго “Вопрошания”. После того, как эти возражения были сформулированы, Константин, в свою очередь, обратился к их опровержению. При этом чувствуется, что сам тон его работ изменился, они стали более резкими, менее стройно организованными (что объяснялось тем фактом, что сам предмет спора был очевиден обеим сторонам, не требовалось ни особых вступлений, ни пояснений). Изменение тональности не укрылось от Никифора: характеризуя манеру Константина в третьем “Вопрошании”, он уже не говорит о “форме вопроса”, не употребляет слов *λεῖβις* и *ἐρώτησις*, но использует слово “постановляют” (*νομοθετοῦσιν* – АА. 376В), отсылающее к юридическому контексту, призванное продемонстрировать властное решение Константина, который уже не спрашивает, но запрещает.

Логика аргументации, которую можно восстановить применительно к первым “Вопрошаниям”, в третьем сочинении не очевидна: Константин обращается к разным аргументам, но не развивает их, а только намечает линии, по которым доказательство может строиться в будущем. При этом в сочинении появляются аргументы или совершенно непроработанные, не получающие в дальнейшем никакого развития (фрагмент о том, что поклонение иконе невозможно, поскольку на ней изображается помимо Христа и “попираемый ад” – АА. 436В), или противоречащие утверждениям из первых “Вопрошаний” (фрагмент о неопикуемости тела Христа только после Воскресения (АА. 437В) противоречит тщательно выстраиваемым на протяжении многих страниц доказательствам о неопикуемости Христа по природе⁴⁹).

В некоторых случаях Константин как будто бы оправдывается: именно так выглядит фрагмент, где говорится о почитании креста (АА. 425D); он представляет собой очень краткий и бездоказательный ответ на закономерный вопрос, который, несомненно, был задан Константину. С другой стороны, видя уязвимость своих аргументов, продемонстрированную ему епископами, Константин, создававший “Вопрошания” в полной уверенности в своем богословском даровании, начинает приказывать: пафос третьего “Вопрошания” в запрещении, а не в попытке доказать свою правоту. Именно об этом свидетельствует рефреном повторяющееся “не позволено” (*οὐκ ἐξόν*), приводимое Константином после каждого аргумента или ответа (АА. 420А, 436В, 445D).

Подобное сочетание стремления оправдаться, с одной стороны, и запретить любые дальнейшие рассуждения, с другой, как нельзя лучше характеризует положение, в котором оказался Константин V после того, как столкнулся с реакцией на свои сочинения даже в сочувствующей иконоборчеству среде. На основании нашего предположения может быть сделан вывод о том, что

⁴⁸ Например: “Императорам, которые являются людьми, как и мы, и которым выпало править на земле, это (т.е. живописное изображение. – Л.Л.) подобает, к Христу же – вовсе не прилично” (АА. 393ВС).

⁴⁹ Ср. мнение о том, что именно в этом вопросе заключались расхождения между иконоборцами первого и второго периода: *Лурье В.М.* (в соавторстве с В.А. Барановым). *История византийской философии. Формативный период.* СПб., 2006. С. 451–462.

в определенный период интерес Константина (возможно, в виду шаткости его положения) заключался в том, чтобы поддерживать иллюзию свободной дискуссии. Он был готов слушать различные мнения и позволил критиковать свои сочинения, однако затем, испугавшись подобной критики, вынужден был обратиться к авторитарным мерам и более не допускал разногласий.

* * *

Таким образом, анализ восходящих к Константину V фрагментов и обрамляющих их филологических комментариев Никифора позволил прийти к следующим выводам: 1) наиболее вероятным названием для сочинений Константина V является не утвердившееся в науке *Πεύσεις*, а *Προβλήματα*; 2) эти сочинения являются не единственными произведениями Константина, и их необходимо отличать от текстов, упоминающихся в иных источниках (“Житии Никиты Мидикийского”, у *Scriptor Incertus*); 3) “Вопрошания” сочетают жанровые признаки богословско-полемиического трактата (вероятно, ориентирующегося на форму вопросоответов) и политической апологии (в заключительной части), хотя их автор стремится представить себя опытным богословом; 4) доступный Никифору список “Вопрошаний” имел лакуны; 5) источник третьего “Антирретика” Никифора контрастирует по стилю с работами, опровергаемыми в первом и втором “Антирретиках”, обладает меньшей связностью, однако написан в значительно более резкой манере; тем не менее текст Никифора не дает оснований приписывать его иному автору, нежели Константину.